

УДК 94(47)(282.247.412.2)-054.72-/19/

КРЯКИН Евгений Николаевич, аспирант кафедры истории и политологии Государственного университета управления (Москва). Автор 6 научных публикаций

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИГРАНТЫ В МОСКВЕ В 1920–1930-е годы

После становления советской власти в России в октябре 1917 года в страну хлынул поток мигрантов. Это были как рабочие, искавшие лучшей доли, так и политические и революционные деятели разных стран, сочувствовавшие большевикам. Молодая Советская республика, не признанная еще многими странами мира, ощутила значительный приток мигрантов, среди которых были коммунисты – участники европейских революций и деятели коммунистических партий разных стран мира. Быт Советской республики, страны только что пережившей революцию и находящейся на стадии строительства общества «новой формации», непонимание многих тонкостей общественной жизни, зачастую незнание русского языка приводили к изоляции приехавших в СССР мигрантов от общественной и политической жизни страны. В этих условиях с 1923 года в Москве была введена программа, направленная на осуществление успешной адаптации мигрантов в советском обществе: для них читались лекции, проводились семинары, мигранты участвовали в работе дискуссионных клубов, выступали с докладами, принимали участие в экскурсиях на производство. Эта программа давала хорошие результаты. В Москве были созданы специальные организации по работе с мигрантами: Интернациональный клуб политических эмигрантов имени Загорского, отдел Национальных меньшинств при Московском комитете ВКП(б), Международная организация помощи борцам революции (МОПР). Чаще всего иммигранты выбирали своим новым местом жительства столицу как центр сосредоточения общественно-политической жизни страны, но часть мигрантов предпочитала сельскую местность, где были созданы трудовые поселения-коммуны. Так возникли коммуна «Земниекс» в подмосковном Осташино и трудовая коммуна американских евреев «Герольд», организованная в Подольском уезде Московской губернии к началу января 1925 года. Советское правительство вело работу, направленную на интеграцию всех групп мигрантов в советское общество. В условиях сегодняшней непростой политической ситуации на международной арене полезно осознать данный исторический опыт.

Ключевые слова: *политические мигранты, миграция, Советская республика, МК ВКП(б), коммуна «Герольд».*

Эмиграционные и иммиграционные волны XX века сотрясали различные страны мира, в т. ч. и Россию. Люди убегали в другие страны от неста-

бильности в своих государствах, от войн и революционных потрясений, от национального геноцида и т. д. В России вопрос политической

иммиграции, так же как и эмиграции из страны, всегда имел историческую значимость, ибо отток в другие страны из России дворянства, предпринимателей, представителей художественной интеллигенции, других слоев населения по политическим либо экономическим причинам зачастую способствовал созданию негативного образа России на Западе. Об эмиграции из России представителей различных слоев общества написано немало научной литературы, воспоминаний уехавших на Запад людей об их адаптации там. Подробно этот материал изложен в работе «Политическая история русской эмиграции в 1920–1940-е гг.» под редакцией доктора исторических наук Александра Фёдоровича Киселёва [1].

В 1920–1930-е годы проходил и встречный процесс, когда в Россию прибывали политические иммигранты из разных стран, добровольно приезжали специалисты по созданию промышленных предприятий и т. п. Соответственно, Россия вела политику протектората для иммигрантов, приезжавших к нам из-за рубежа. Необходимо отметить, что эта тема в российской историографии мало освещена и изучена, хотя в современных условиях возрастания политической активности России на международной арене очень важно и научно значимо осмысление исторического опыта интеграции граждан других стран в жизнь нашего общества. Богатый архивный материал, освещающий деятельность Московского комитета ВКП(б) и ряда специальных организаций, работающих на территории Москвы и Московской области в 1920–1930-е годы, дает такую возможность.

Особенно ощутимым был приток иммигрантов после становления в России Советской власти в октябре 1917 года и по окончании Гражданской войны. Рабочие, политические деятели разных стран были заинтересованы призывами новой власти в России к осуществлению марксистских идей и созданию государства равенства и справедливости. Многие ехали в Советскую Россию

по искренним убеждениям, в поисках новой жизни, иные иммигрировали, опасаясь преследований в своих странах по политическим мотивам.

Чаще всего иммигранты выбирали своим новым местом жительства столицу как центр сосредоточения общественно-политической жизни страны. В Москву ехали те, кто испытывал желание сохранить активную позицию, быть в центре революционных событий. Для того чтобы прибывшие коммунисты и представители других зарубежных общественных партий и движений были включены в строительство нового государства, создавались специальные организации. Так, например, был создан Интернациональный клуб политических эмигрантов имени Загорского, действовавший под руководством Московского комитета ВКП(б). Деятельность этой организации подробно изложена в статье Жанны Григорьевны Сон «Интернациональный клуб политэмигрантов имени Загорского (1920–1930-е гг.)» [2]. Вопросом интеграции политических эмигрантов в социокультурную жизнь страны занимался отдел Национальных меньшинств при Московском комитете ВКП(б). На международной арене поддержкой революционеров занималась Международная организация помощи борцам революции (МОПР), имевшая помимо СССР отделения еще в 20 странах. В ведении МОПР СССР до середины 1930-х годов находилась выдача советских виз. Государственные органы и организации, занимающиеся вопросами мигрантов, видели ситуацию следующим образом: «...Усилившаяся в буржуазных странах реакция с каждым днем увеличивает число политэмигрантов, которые вследствие преследования со стороны властей вынуждены бежать в Советскую Россию – единственное пока убежище революционных и политических преступников»¹. Такова была позиция советской власти по вопросу политической миграции в СССР.

В 1923 году в Москве насчитывалось примерно 2000 мигрантов из разных стран мира:

¹ЦАОПИМ (Центр. арх. обществ.-полит. ист. Москвы). Ф. 3. Оп. 11. Д. 196. Л. 11. Материалы по делам политэмигрантов при ЦК МОПР. Докладная записка.

Германии, Болгарии, Венгрии, Латвии, Польши, США, Югославии, Греции, Италии, Турции, Франции². Для молодой Советской республики, не признанной еще многими странами мира, это была весомая цифра. Среди мигрантов было большое количество коммунистов, участвовавших в революционных событиях и деятельности заграничных коммунистических партий. Например, основная часть оказавшихся в тот момент в Москве венгров состояла из участников венгерской революции, в их числе был и лидер революции Бела Кун, бежавший после поражения Венгерской советской республики.

Другим путем приезда в СССР было направление от Центральных комитетов коммунистических партий других стран. В 1922 году ЦК компартии Италии отослал в Москву итальянского коммуниста Данте Карнелия для прохождения учебы в Институте красной профессуры. Как указывалось в сопроводительном письме, «22 апреля 1922 года Карнелий в конфликте с фашистами убил их коменданта»³. Проявив себя в революционной деятельности, он был отправлен в СССР во избежание расправы над ним.

В связи со сложностью привыкания политэмигрантов к новым условиям быта, зачастую – с незнанием не только русской культуры, но и языка их участие в общественно-политической жизни России было ограничено, независимо от того, что они были приняты с радостью. Оказавшись в новой для себя среде, далеко не все мигранты успешно вливались в новые культурные и политические реалии, на многих негативно сказалась изоляция от участия в политической жизни, к которой они привыкли у себя на родине. Как отмечается в докладной записке уполномоченного по делам мигрантов при ЦК МОПР, «лишенные возможности участвовать в политической жизни России

вследствие незнания русского языка, они подвержены опасности деморализации и разложения. Зарегистрированы случаи самоубийства и сумасшествия. Масса прибывает сюда с высокоморальным настроением, но под влиянием целого ряда факторов впадает в разочарование и обывательщину, живет сплетнями»⁴. В этих условиях с 1923 года в Москве началась работа по развитию политической жизни мигрантов: «...Забота ложится на Центральный Комитет по средствам устройства клубов, экскурсий, бесед»⁵. Особое место отводилось общению мигрантов с рабочими, им демонстрировалась «реальная» жизнь в СССР: «...Каждая проведенная экскурсия много разъясняет мигранту, здесь на заводе он в конкретной обстановке, встречаясь с самими строителями советского хозяйства, знакомится с условиями социалистического строительства»⁶.

Вновь прибывшие мигранты объединялись в национальные группы, численность которых доходила до 300 чел., затем – в национальные клубы. При клубах действовали ленинские и марксистские кружки, которые посещали мигранты, а преподаватели Института красной профессуры читали им лекции, посвященные актуальным политическим вопросам. Помимо этого, сами политмигранты выступали с докладами о положении дел у себя на родине.

Были случаи, когда мигранты селились не в Москве, а предпочитали сельскую местность. Село выбирали мигранты, приезжавшие в Советский Союз группами, с целью создания этнических трудовых поселений-коммун. В начале января 1925 года в Подольском уезде Московской губернии, в 40 верстах от Москвы, была организована трудовая коммуна американских евреев «Герольд». В пользование им было предоставлено 4 колхоза с имуществом:

²ЦАОПИМ Ф. 3. Оп. 11. Д. 196. Л. 11. Материалы по делам политэмигрантов при ЦК МОПР. Докладная записка.

³Там же. Д. 185. Л. 11. Отдел по делам национальных меньшинств при МК РКП(б). Итальянская группа.

⁴Там же. Д. 196. Л. 12.

⁵Там же.

⁶Там же. Л. 13.

«Ася», «Барыбино», «Уварово» и «Денисово». Первоначально в коммуне состояло 37 семей, всего 70 едоков, из них 18 женщин и 20 детей от 3 до 16 лет. Переселенцы были этническими евреями, гражданами США и Канады⁷.

Для налаживания путей взаимодействия с коммуной «Герольд» летом 1925 года туда был направлен уполномоченный Центрального бюро Еврейской секции при ЦК ВКП(б). В своем отчете он указал на неблагоприятное положение общины: «Из моих личных соображений, да и вообще из воздуха я чувствовал, что что-то в коммуне не ладно»⁸.

В личной беседе с членами коммуны уполномоченный выяснил, что в коммуне не хватало квалифицированных кадров для ведения сельскохозяйственных работ, а среди членов коммуны было непривычно заниматься тяжелым физическим трудом. Он сообщил, что «большая часть населения принадлежит к квалифицированной группе рабочих и привыкла жить хорошо»⁹, к тому же «непривычка к коллективной жизни вызывает раздражительность, в Америке жизнь даже беднейших слоев населения индивидуализирована до предела»¹⁰. Так как члены общины были рассредоточены по 4 колхозам, находившимся на удалении друг от друга, среди членов возникло убеждение, что ресурсы общины поделены не поровну. Среди недовольной части особенно активно выступали женщины, «мечтавшие вырваться здесь из кухонного рабства и участвовать во всех видах жизни коммуны»¹¹, но не получившие ожидаемого.

Уполномоченный отметил нежизнеспособность общины, упаднические настроения среди ее членов: «...Члены коммуны приехали не из

экономических соображений, а из идеологических. Некоторые и сейчас еще достаточно обеспеченные люди, способные уехать обратно»¹². В тот момент руководству Московского комитета РКП(б) казалось возможным вдохнуть в коммуны новую жизнь; решено было провести широкомасштабную разъяснительную политическую работу среди членов коммуны, привлечь к членству в партии, вести политику идеологического патронажа. Однако к сентябрю 1926 года положение коммуны значительно ухудшилось и стало по-настоящему бедственным. Очень сильно сократился земельный фонд общины, из 4 колхозов остался только один. С 400 десятин пахотной земли объем ее сократился до 105. Резко уменьшилась численность коммуны, из 37 семей осталось только 18, из 70 чел. осталось 32, еще 7 пайщиков заявили о скором выходе и ждали финансового расчета с ними¹³. Члены коммуны были полностью разочарованы в своих мечтаниях: «Мы чувствуем себя здесь похороненными заживо, лишними, никому не нужными людьми. Там, в Америке, каждый из нас был нужным винтиком в механизме, активным участником политической жизни. Мы посещали клубы, собрания, митинги. Здесь мы одиноки, все серо, угрюмо и буднично. Не так мы себе все представляли»¹⁴. Кроме всего прочего выяснилось, что изначально договор коммуны на аренду предоставленной ей земли и инвентаря, заключенный с Центральным управлением государственного автомобильного завода (ЦУГАЗ) был оформлен с явными нарушениями и привел к огромной задолженности и без того экономически нерентабельной коммуны. Было проведено расследование,

⁷ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 11. Д. 269. Л. 82. Доклад о коммуне «Герольд». 1925 г.

⁸Там же.

⁹Там же.

¹⁰Там же.

¹¹Там же Л. 83.

¹²Там же. Л. 82.

¹³Там же. Д. 370. Л. 3. Докладная записка в МК РКП(б). Хронический распад коммуны. 1926.

¹⁴Там же. Д. 269. Л. 84.

но никаких конкретных результатов оно не дало, община по-прежнему имела большие долги. В докладной записке в МК РКП(б) сообщалось: «...Коммуна уже выплатила 16 000 рублей, и должна еще 11 000, ближайшая выплата в конце сего месяца в 3000 рублей висит над ней как дамоклов меч»¹⁵. Помимо этих долгов коммуна должна была рассчитаться с уже вышедшими из ее состава пайщиками. Одной из причин нереализованности запланированного была «абсолютная запущенность коммуны в смысле еврейского языка»¹⁶, который был единственным средством коммуникации внутри общины; будучи гражданами США и Канады, многие плохо говорили и по-английски. Таким образом, община полностью потеряла связь с общественно-политической жизнью страны, предпринятых для ее спасения мер было явно недостаточно, момент был упущен.

В то же время в 1925 году в подмосковном Осташино была организована интернациональная коммуна «Земниекс», в состав которой входили латыши (62 чел.), русские (24 чел.), поляки (2 чел.) и армяне (4 чел.). В основе общины были потомки латышских крестьян-переселенцев, получившие возможность переместиться в центр России из-за Урала. Целью существования общины ее участники видели создание образцовой коммуны, организованной по «датской системе». В организации общины принял непосредственное участие Московский комитет РКП(б). Коммуна получила в аренду 110 десятин колхозной земли с лесом, а также кредит в размере 120 800 р. на организацию хозяйства и закупку скота. Однако деятельность коммуны пошла «не по тому пути». Видя нерентабельность сельскохозяйственного производства, руководство коммуны стало вести активную, свободную экономическую деятельность. Так, коммуна открыла в Москве цветочный магазин и сдавала в аренду дом¹⁷, получая за это прибыль. Таким образом, политические мигранты без участия в их жизни специальных органи-

заций были оторваны от жизни страны. Только целенаправленная политика государственных органов в этом направлении могла помочь многим стать частью советского общества.

Среди въезжавших в СССР в 1920-х годах граждан других стран были представители разных социальных групп, носители различных профессий. Мигранты имели различный уровень достатка и образования, неоднородным было их вероисповедание, национальность и возраст. Однако подавляющее большинство иммигрантов оказалось в Советском Союзе по политическим мотивам. Для многих это была не экономическая необходимость, а искренняя идейная убежденность, надежда на возможность жить в государстве всеобщей справедливости. В 1920-е годы молодая Советская республика давала такую надежду. Период конца 1920-х годов для части въехавших в страну людей стал переломным моментом. Основной поток мигрантов в СССР прекратился в конце 1920-х годов в связи с изменением политических условий в стране. Многие мигранты уехали из СССР к началу 1930-х, но часть специалистов продолжала успешно работать в СССР в период индустриализации. Они трудились на производстве, строили первую линию московского метрополитена. К сожалению, в конце 1930-х годов большое число мигрантов, живших в Москве, не избежало политических репрессий. Но неоспоримо то, что они внесли большой вклад в развитие нашей страны, сыграли значительную роль в жизни советского общества и Москвы в 1920–1930-х годах.

Деятельность различных политических и общественных организаций Москвы сыграла большую роль в создании благоприятных условий для адаптации мигрантов в нашей стране. Сегодня этот опыт может быть применен в работе с гражданами других стран, избравшими своим местом жительства Россию, как, например, беженцы из соседних республик, бывших когда-то в составе СССР.

¹⁵ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 11. Д. 370. Л. 3. Докладная записка в МК РКП(б). Хронический распад коммуны. 1926.

¹⁶Там же. Л. 4.

¹⁷Там же. Л. 3.

Список литературы

1. Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: док. и материалы: учеб. пособие / под ред. А.Ф. Киселёва. М., 1999. 776 с.

2. Сон Ж.Г. Интернациональный клуб политэмигрантов имени Загорского (1920–1930-е гг.) URL: <http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/ticket/1393873117bf59ae8a21affd90e05094229761c876/2012%20%D0%A1%D0%BE%D0%BD%20%D0%A0%D0%93%D0%90%D0%A1%D0%9F%D0%98.pdf> (дата обращения: 04.03.2014).

References

1. *Politicheskaya istoriya russkoy emigratsii. 1920–1940 gg.: dokumenty i materialy* [The Political History of Russian Emigration. 1920–1940: Documents and Materials]. Ed. by Kiselev A.F. Moscow, 1999. 776 p.

2. Son Zh.G. *Internatsional'nyy klub politemigrantov imeni Zagorskogo (1920–1930-e gg.)* [The International Club of Political Migrants Named After Zagorsky (1920s – 1930s)]. Available at: <http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/ticket/1393873117bf59ae8a21affd90e05094229761c876/2012%20%D0%A1%D0%BE%D0%BD%20%D0%A0%D0%93%D0%90%D0%A1%D0%9F%D0%98.pdf> (accessed 4 March 2014).

Kryakin Evgeny Nikolaevich

Postgraduate Student, State University of Management (Moscow, Russia)

POLITICAL MIGRANTS IN MOSCOW IN THE 1920s – 1930s

After the October Revolution of 1917, an endless stream of migrants poured into Russia. They were workers and political figures from different countries, who sympathized with the Bolsheviks and their ideas. The majority of them were communists that had taken part in European revolutions and members of Communist Parties from various countries. These people found themselves in a new society, without knowledge of the Russian language or peculiarities of social life, which resulted in their isolation from the public and political life of the country. In this context, starting from 1923 there was introduced a programme in Moscow aimed at integrating immigrants into the Soviet society: they were given lectures and seminars, they made reports and took part in discussion clubs and guided tours of factories. This programme showed good results. Moreover, in Moscow there were established special organizations dealing with migrants: the International Club of Political Exiles named after Zagorsky, the Department of National Minorities of the Moscow Committee of the CPSU, and the International Red Aid (MOPR). The majority of immigrants settled in the capital as the centre of the country's socio-political life, but some of them preferred rural areas and formed communal labour settlements. Among them were “Zemnieks” community in Ostashovo, near Moscow, and the labour community of American Jews called “Herald”, that was organized in the Podolsk district of the Moscow province by the January 1925. Thus, we can see that Soviet government sought to integrate all immigrant groups into the society. In today's difficult political situation on the international arena, it is important to be aware of this historical experience.

Keywords: *political migrants, migration, Soviet Republic, Moscow Committee of the CPSU, “Herald” community.*

Контактная информация:

адрес: 109542, Москва, Рязанский просп., д. 99;

e-mail: evgeniyasket@gmail.com